

УДК 141.3

DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-692-703

**ЛУИ АЛЬТЮССЕР, ГРАНИЦЫ МАРКСА И ГОСУДАРСТВО
КАК ОСОБАЯ МАШИНА****LOUIS ALTHUSSER, THE MARX LIMITS AND THE STATE
AS A SPECIAL MACHINE****Н.Н. Тинус****N.N. Tinus**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: tiinusnn@gmail.com

Аннотация

Две переведенные главы, посвященные вопросу государства, являются частью труда «Маркс в своих границах» Л. Альтюссера. В представленном фрагменте проясняется и дополняется, главным образом, ленинское понятие государства. Государство рассматривается как особая машина, преобразующая силу доминирующего класса в энергию власти и контроля. Эта перспектива определяет четкую революционную стратегию в отношении государства, которая заключается в уничтожении разделения функций между различными его органами. С точки зрения Альтюссера, революция должна преодолеть разделение труда внутри государственного аппарата, чтобы препятствовать возрождению старых форм власти. Слишком запоздалое понимание этого принципа стало одной из причин провала политики Ленина и самой революции в России. Перевод предваряется авторским комментарием.

Abstract

The two presented chapters, devoted to the issue of the state, are a part of the work “Marx in His Limits” by L. Althusser. They clarify mostly the Leninist concept of the state. The state is considered as a special machine that transforms power of the dominant class into the energy of authority and control. This perspective defines a clear revolutionary strategy in respect of the state, which consists in removing the separation of functions between its different organs. From Althusser’s point of view, the revolution has to overcome the division of labor within the state infrastructure in order to prevent the revival of the old forms of power. The late understanding of this principle was one of the reasons of the failure of Lenin’s policy and of the revolution in Russia itself. The translation is introduced by the author’s comment.

Ключевые слова: Альтюссер, Ленин, государственный аппарат, разрушение государства, разделение труда, революция.

Key words: Althusser, Lenin, state machine, destruction of the state, division of labour, revolution.

Сегодня Альтюссер, как философ и как политическая фигура, все еще слабо освещен в отечественной литературе. С одной стороны, его заслоняют другие знаменитые имена французской интеллектуальной сцены, в том числе имена его блестящих учеников (Деррида, Рансьер, Фуко, Бурдьё и др.). С другой стороны, работа Альтюссера постоянно подвергалась жесткой критике с разных углов, что мешало по-настоящему определить ее

ценность; признавая ее некогда широкое влияние, многие теперь полагают, что его мысль может вызывать лишь архивный, исторический интерес. Вероятно, это мнение представляет собой инерцию тех «разоблачений», которые, пошатнув авторитет Альтюссера после Красного мая, разрослись в 70-е (можно вспомнить «крестовый поход» одного из лидеров «новых левых» Э.П. Томпсона или позицию того же Рансьера) и преследовали его до конца жизни.

Но фигура философа лишь с дистанции приобретает отчетливые очертания: множество его текстов было издано в 90-е годы посмертно, и спустя еще около десяти лет их стали переводить на английский. Альтюссер был открыт заново. Редакция журнала «Décalages», который целиком посвящен Альтюссеру (первый том вышел в 2012 г.) пишет об этом следующее: «Посмертная публикация тысяч страниц текстов и корреспонденции не только вызвала повышенный интерес к работе Альтюссера, но и изменила наше понимание как объема, так и значения его работы... В настоящий момент неизвестный Альтюссер превзошел известного» [Décalages, 2012].

Оказалось, что наследие Альтюссера, которое казалось давно освоенным и преодоленным в рамках более «прогрессивных» левых теорий, попросту нам неизвестно. Но если на Западе чтение и исследование Альтюссера набирает обороты, то в российском интеллектуальном пространстве дело обстоит иначе – существует крайне фрагментарное представление об этом философе¹. Предлагаемый перевод двух глав книги «Маркс в его границах» призван способствовать исправлению данного положения дел.

Кроме прочего, в первой половине 90-х были изданы автобиография и биографическое исследование Яна Мулье-Бутана, благодаря которым стало возможным читать Альтюссера с учетом контекста. Нужно понимать, что контекст здесь имеет решающее значение. Альтюссер был марксистом – его теория была вторжением в практику, а тексты «всегда полемичны и ситуативны. Они всегда обращены к конкретному историческому и политическому контексту... Характерная резкость и даже некоторая задиристость его текстов являются следствием этой принципиальной полемической установки» [Альтюссер, Софронов, 2004, с. 173]. Это замечание Джеймисона в полной мере характеризует и стиль работы «Маркс в своих границах», поэтому нужно описать ситуацию вокруг нее.

Главные этапы в жизни Альтюссера известны: спустя три года после окончания мировой войны и освобождения из концлагеря для военнопленных, он начинает преподавать в Высшей нормальной школе (ВНШ) и вступает во Французскую коммунистическую партию (ФКП), быстро приобретая широкое влияние. Пик известности, который пришелся на 60-е, был связан, прежде всего, с публикацией результатов работы во ВНШ: «За Маркса» и «Читать “Капитал”» предоставили принципиально новое прочтение Маркса, которое противостояло в равной мере как сталинскому, так и «гуманистическому» марксизму. Май 68-го обошелся без участия Альтюссера (в то время он находился на лечении из-за обострения душевного расстройства и не высказывался публично позднее) – это обстоятельство сильно ударило по его популярности в массах.

После студенческой революции ФКП стала дрейфовать в сторону еврокоммунизма – в 70-е годы это была общая тенденция для множества компартий, которые отбрасывали революционную риторику и связанные с ней концепции. Примерно так произошло и во Франции, когда коммунисты пошли на союз с Социалистической партией, чтобы получить больше голосов на выборах. Но политическая обстановка была довольно сложной: именно тогда стало известно об ужасах ГУЛАГа (ФКП на тот момент была связана с Москвой), а аргументы реформистов казались единственно разумными. В результате ФКП

¹ На русский язык переведено только две работы – «Ленин и философия» (2005) и «За Маркса» (2006), а также не слишком широкий круг отдельных статей.

стала таять, ее бывшие члены вливались в ряды социал-демократов, и в конце концов сама ФКП окончательно перешла на их позиции.

Под влиянием множества факторов французские коммунисты уступили иллюзиям, которые были описаны Марксом еще в «Критике Готской программы». В отличие от многих Альтюссер не вышел из партии, несмотря на непростые с ней отношения. Поначалу он даже не высказывался по поводу изменений в линии партии. Спусковым крючком стал XXII съезд ФКП, на котором из программы партии были стерты все упоминания диктатуры пролетариата. В декабре 1976-го он выступил с критикой съезда, руководства и существующей структуры ФКП. Эта критика партии была, в определенном смысле, самокритикой Альтюссера. Выступая против этой новой партийной линии, он выступал против той политики, которая ранее была сформирована с его непосредственным участием. «В 1960-е годы, Альтюссер, через публикации в партийной прессе участвуя в борьбе за содержание “официальной философии” ФКП, тем самым косвенно оправдывал реальную роль такой “официальной философии”, к тому же присовокупляя к ней авторитет Высшей нормальной школы... Этим он сам же и способствовал усилению той тенденции, против которой выступил в 1976 году» [Матвеев, 2012, с. 68].

К тому моменту лидеры коммунистов настаивали, что лучшая стратегия – это электоральное доминирование, победа левых на выборах и последующая демократизация государства изнутри, чтобы поставить его на службу новому социалистическому порядку. В этом сценарии отсутствует необходимость разрушения государства и установления классовой диктатуры. В прошлом эти меры были продиктованы жесткими обстоятельствами русской революции, но теперь большинство населения симпатизировало социализму, а государственная власть была ограничена режимом представительной демократии. В поддержку этой популярной позиции была положена теория гегемонии Грамши, в которой говорится о захвате, а не о разрушении существующих институтов.

В выступлении 76-го года Альтюссер призвал к дискуссии и заявил, что отдельные элементы теории, такие как диктатура пролетариата, не могут быть «отменены» политическим жестом. С точки зрения Альтюссера, вопрос диктатуры пролетариата связан с пониманием природы государства, которую лучше других осознал Ленин. Тезис Ленина о необходимости разрушения государства французский философ трактует не как призыв к его уничтожению, а как особого рода реорганизацию существующего аппарата. Он предлагает сосредоточиться на вкладе Маркса и Ленина, «чтобы “уничтожить” буржуазное государство, чтобы заменить его государством рабочего класса и его союзников, а не добавлять прилагательное “демократичный” к каждому имеющемуся государственному аппарату. Это нечто совершенно иное, чем формальная и потенциально реформистская операция, это революция в структурах, практиках и идеологиях существующих государственных аппаратов; подавление некоторых из них, создание других... для подготовки к “отмиранию государства”, то есть его замене массовыми организациями» [Althusser, 1977, р. 17]. Демократия, на которую полагаются еврокоммунисты, сама по себе не способна решить проблему государства как машины, закрепляющей порядок доминирования, так как это «классовая проблема, а не проблема права» [Althusser, 1977, р. 18]. Позже, в докладе 1977 года Альтюссер приветствует уже очевидный кризис как повод для обновления, очищения марксизма и усиления классовой борьбы, хотя понимает, что у его надежд мало шансов оправдаться. В письмах к Мамардашвили свою венецианскую речь «Накопец-то кризис марксизма!» он называет «проповедью» и попыткой «перегородить плотной воды» [Альтюссер, 2016].

Скорое поражение социалистов и ФКП на выборах весной 78-го сильно ударило по состоянию Альтюссера – его депрессия вошла в более острую форму и с течением времени только усугублялась. Однако почти сразу после выборов философ опубликовал статью

«Что должно измениться в партии», подвергнув зубодробительной критике политику и само устройство ФКП. Он показал, что линия партии в действительности является суицидальной, а ее идеология – карикатурой. В попытке наметить условия для оздоровления ФКП Альтюссер обратил внимание на ее внутреннюю организацию. Партия, пишет он, стала походять на «миниатюрный “государственный аппарат”» [Althusser, 1978, p. 32]; подобно армии или государству, ФКП стала «машиной» (термин Ленина) для доминирования. Вертикальная структура с обилием бюрократических фильтров, разделения труда и функций создали такой системный эффект, когда «практика и последствия власти на каждом уровне “ответственности”, автоматически производят секретность, подозрение, недоверие и обман» [Althusser, 1978, p. 41].

Летом того же года Альтюссер пишет работу «Маркс в своих границах», в основу которой легли выступление 76-го и статья 78-го о ФКП. Это сочинение является образцом «ревизионизма» в хорошем смысле и содержит пересмотр важнейших концепций Маркса и марксистской теории в ответ на заблуждения коммунистического движения. Альтюссер признает, что тексты Маркса представляют собой сложное переплетение элементов идеологии с наукой, идеалистических и материалистических компонентов, которые почти невозможно отделить друг от друга. Но «улучшить» учение Маркса можно, если использовать практический успех или провал тех или иных его концепций как критерий их состоятельности. Кроме того, нужно понимать, что сам Маркс был ограничен обстоятельствами своего времени. «Маркс чувствовал себя беспомощным перед лицом реалий, подобных партии с ее структурой, механизмом, эффектами и решениями, и возможно, еще более безоружным перед лицом определенных идеологических недоразумений – прежде всего перед лицом идеологического статуса своей личности как теоретика и т.д. Государство, идеология, политика, партия, личность теоретика и политика в рабочем движении: все это – “абсолютные пределы” Маркса, которые мы должны зафиксировать, чтобы подвергнуть серьезной рефлексии» [Althusser, Matheron, 1994, p. 408].

Значительную часть работы занимает рассмотрение границ марксистского понимания государства. Государство – это особый инструмент воспроизведения классового господства, отдельный от общества и классовой борьбы как таковой (как перо отделено от писца, в руках которого находится). Как инструмент, государство помогает не только обеспечивать эксплуатацию рабочих, но и консолидировать доминирующий класс. Иерархия, разделение аппаратов и сфер ответственности помогают предотвратить ослабление одних и усиление других групп и классов, сохранить status quo. Поскольку государство возникает на месте концентрации власти и цементирует социально-экономические основы общества, его захват и уничтожение должно снова стать целью борьбы рабочих: «после того, как буржуазное государство будет завоевано, необходимо будет его “уничтожить” (Маркс, Ленин) и построить государство, которое является не-государством, совершенно другое революционное государство, отличное по структуре от нынешней “машины” и спроектированное таким образом, чтобы стремиться не к усилению, но к отмиранию» [Althusser, Matheron, 1994, p. 416].

За разрушением буржуазного государства неизбежно следует диктатура пролетариата, которое вернее было бы назвать господством пролетариата¹, экономическим, политическим и идеологическим. Нужно понимать при этом, что диктатура пролетариата – это господство класса, а не какого-то определенного правительства. Так или иначе, на этапе

¹ Заимствованное Марксом у Бланки слово «диктатура» должно было стать строгим понятием и избавиться от прежних коннотаций, хотя и было перенято из «любви к крайностям». Ленин тоже хотел привлечь внимание, используя столь провокационный термин, полагает Альтюссер. См.: Althusser L., Matheron F. 1994. *Écrits philosophiques et politiques*. Т. 1. Stock/IMEC. P. 442–443.

своего становления эта диктатура связана с насилием и находится вне закона. Но ведь основы права (как результата закрепления соотношения сил классов) исчезают, а значит возникает насилие (как итог исчезновения права). Тем не менее, все это имеет место только на этапе революции, а после конструируется социалистическое не-государство, закрепляющее новые формы господства.

В вопросе о государстве фигура Ленина занимает особое место – он лучше других понял его сущность, хоть и потерпел чудовищную неудачу на практике. В переведенных здесь главах анализ сосредоточен на описании государства как «особой машины», сущности этой машины и возможностей ее разрушения. Альтюссер выявляет симптомы концепции, которую Маркс и Ленин не смогли отчетливо артикулировать в своих текстах. Их настойчивая характеристика государства именно как «машины» многое говорит о свойствах государства – это сложный объект, состоящий из цельного комплекса аппаратов, соединенных общей задачей, и преобразующий один вид энергии в другой. Как и любая машина, государство основано на разделении функций между разными аппаратами. Энергия – сила господствующего класса, приводит в движение мотор этой машины. Следом мотор передает эту энергию-силу (*force*) на трансмиссию, где она трансформируется в энергию-власть (*pouvoir*), энергию контроля.

Такое понимание государства позволяет увидеть причину поражения Ленина, причину сталинизма, правильно выстроить стратегию для будущей борьбы, чтобы избежать ошибок прошлого. Ленин хорошо понимал, что буржуазное государство должно быть разрушено, а значит 1) нужно не допустить появления касты высших чиновников (что в итоге и случилось), которые контролировали бы эту машину; 2) не допустить разделения труда между различными аппаратами. Разделение функций, однако, всегда кажется естественным, и воспроизводится снова и снова, воскрешая старые, царские формы власти. Альтюссер пишет: «Недостаточно поставить рабочих на посты, которые ранее занимали буржуа, недостаточно раздать революционные приказы, чтобы обеспечить их выполнение. Тело государства, поскольку оно не ставит под сомнение правильность собственной организации, своих функций и их мнимого “естественного” разделения, в конечном итоге поглощает все приказы, превращая их в тонны бумажной работы, в которой тонут и революционеры и сама революция». Ленин понял это слишком поздно, когда новая машина доминирования уже была запущена. Истоки сталинизма, полагает Альтюссер, нужно искать именно здесь, в «ужасной аванюре отношений между государством и революцией». Старая машина не была должным образом демонтирована, а была сконструирована заново на тех же принципах.

Весь этот анализ призван показать, какая стратегия по отношению к государству является надлежащей – борьба должна идти не на территории государства (как утверждали Грамши, Пуланзас, еврокоммуны и многие другие), она должна идти за захват государства, за возможность разрушить его и пересобрать на новых основаниях. Мы видим, как «ревизионист» Альтюссер парадоксальным образом оказывается одним из последних интеллектуалов, кто с большой убедительностью отстаивал непопулярные уже тогда концепции диктатуры пролетариата разрушения государства в противовес магистральной линии марксизма и левого движения в целом. Его тексты, открытые сегодня заново, могут послужить пересмотру старых терминов, позиций, создать новые перспективы в исследовании Маркса, Ленина, а также современной левой теории.

Перевод выполнен по изданию: Althusser L. *Marx dans ses limites // Écrits philosophiques et politiques*. Т. 1. Stock/ИМЕС, 1994. P. 349–530.

МАРКС В СВОИХ ГРАНИЦАХ

Л. Альтюссер

Глава 10. Так почему же государство – машина?

В своей Свердловской лекции о государстве (1919)¹, Ленин демонстрирует необычайную настойчивость в использовании только двух терминов. Он называет государство не органом, не организацией, не институтом, а *аппаратом* (appareil) и «*машиной*» (machine). Еще более он настаивает на том, что эти «*машина*» и «*аппарат*» являются «*особыми*» (spécial), при этом не уточняя, в чем именно эта «*особенность*» состоит. Мы должны попытаться истолковать эти термины, ведь хотя Ленин (как и Маркс до него) не формулирует их строгого значения, оно, очевидно, существует, раз именно эти термины он считает наиболее точными.

Мы не исказим смысл слов Ленина, сказав, что раз государство – это «*особый аппарат*» (или «*машина*»), значит этот «*аппарат*» (или «*машина*») является уникальным в своем роде, то есть непохожим на все другие формы организации, которые мы можем наблюдать в «обществе» или в «гражданском обществе». Таким образом, государство – это не просто учреждение, как, например, Государственный Совет, не ассоциация, вроде Ассоциации родителей учеников, не лига, как Лига прав человека, не организация, подобная политическим партиям или Церквям, не является оно и институтом (поскольку это еще более расплывчатый термин). Государство – это особая машина, сделанная из особого металла (оговорим это, поскольку металл танков, пулемётов и автоматов захватывает все размышления о современном государстве). Металл, из которого сделано государство, получен из другого сырья, он имеет другую текстуру и другую плотность. Таким образом, мы возвращаемся к тому, что говорили ранее², когда указывали на тот факт, что государство является, во-первых, весьма «*обособленным*» (séparé) и, во-вторых, является «*инструментом*».

Осталось разобраться с терминами «*аппарат*» и «*машина*».

Если я и настаиваю на терминологии, то это потому, что Маркс и Энгельс настаивали на ней с невероятным упорством, как будто определенные слова, используемые в отношении государства и только него, являются *признаком концепции*, которую они не могли сформулировать иначе, но на которой настаивали любой ценой. Термины «*аппарат*» и «*машина*» (насколько я знаю, по крайней мере в терминологии Маркса) употребляются только применительно к государству, что удивительно. Например, Маркс никогда не говорит о машине производства или «*производственном аппарате*» (appareil de production) – выражения, ставшие сегодня привычными (и даже довольно нейтральными). Помимо этого исключения, важна сама пара терминов *аппарат-машина* (appareil-machine). Что же она может означать?

Слово «аппарат» (appareil), вместе с которым на ум приходит однокоренное «торжественность» (apparat) (как внешний облик предмета во всей его красоте), согласно словарю, означает: «*набор элементов, которые работают вместе для достижения общей цели, образуя единое целое*». Государственный аппарат может содержать и разные аппараты (репрессивные, политические и идеологические). А что делает их все частью государственного аппарата, так это то, что они «*работают вместе для достижения общей цели*».

¹ Ленин В.И. О государстве. Лекция в свердловском университете 11 июля 1919 г. // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М.: Политиздат, 1970. С. 64–84. Французский перевод этой лекции был переиздан в приложении к: Étienne Balibar, Sur la dictature du prolétariat (Paris, Maspero, 1976). Библиотека Альтюссера включала том французского издания собрания сочинений Ленина, содержащего лекцию о государстве, а также книгу Балибара; он широко аннотировал текст в обоих.

² Речь идет о мысли, которую Альтюссер развивает в предыдущей главе, в которой он определяет государство как инструмент в классовой борьбе. (Прим. пер. – Н.Н.)

В этом смысле государство определяется как инструмент, поскольку инструмент (который может состоять из элементов) существует в соответствии с целью: в данном случае это сохранение власти правящего класса. Но это также означает, что среди всех его элементов нет ни одного *лишнего*, напротив, все они идеально приспособлены к своему назначению, образуя гармоничное целое – аппарат, то есть государство. В этом случае подразумевается своего рода механизм, в котором все части, все шестеренки работают ради единой цели, очевидно, внешней по отношению к самому аппарату, в противном случае нельзя было бы назвать аппарат «обособленным». То, что аппарат является внешним по отношению к цели кажется очевидным, когда мы думаем о таких выражениях, как «орудие пыток» (*appareil de torture*) или «протез» (*appareil de prothèse*) и т.д.

Разве эта идея *механики* не выводится с очевидностью из того факта, что все элементы аппарата действуют ради определенной (внешней) цели, и разве эта идея не наводит нас просто-напросто на идею машины? Или «*машинерии*», как говорит Маркс? (Хотя немецкое *Maschinerie* не совпадает со значением французского слова). Я так не думаю, и хотел бы предложить гипотезу.

Прежде всего отметим, что есть два слова, которых Маркс и Ленин тщательно избегают. Мало того, что они никогда не говорят о государстве как об *организме*, они также не говорят о нем как о *механизме*. Из этого следует, что слова *машина* и *механизм* противопоставляются друг другу. Хотели ли Маркс и Ленин сказать, что государство – это «огромная машина», но настолько сложная, что, хотя мы и видим политический эффект ее работы, мы неизбежно теряемся в тонкостях ее функционирования? Возможно. Называя государство «*машиной*», имели ли они в виду, что она работает сама по себе, как некоторые машины (например, паровой двигатель)? Но, как и любой современник парового двигателя, законов Фурье и законов Карно, мы понимаем, что ни одна машина на самом деле не работает сама по себе. Если кто-то и выражался так, то только желая прибегнуть к метафоре, чтобы подчеркнуть «автономную» (*autonome*) или даже «самоходную» (*automobile*) природу государства, но мы достаточно знаем о государстве, чтобы утверждать, что обособленность государства не имеет ничего общего с автономией. Маркс и Ленин никогда не говорили об автономном характере государства.

В семнадцатом веке, когда торжественность и роскошь ассоциировались с механическим движением¹, мы находим, скажем, у Боссюэ², выражение «великая государственная машина» (*une grande machine d'Etat*) (ассоциация, явно подсказанная эпохой). Кроме того, с древних времен существовали баллистические и другие «военные машины». Машина – это «*система компонентов, превращающая одну работу в другую*», будь то человеческая энергия или сила тяжести. В семнадцатом веке машина превращает одно движение в другое, и двигатель такой машины – либо живое существо, либо сила тяжести. Но в девятнадцатом веке, начиная с 1824 года, когда Марксу было двенадцать³, Карно изучал *тепловые машины*, что впоследствии приведет его к удивительным открытиям! Позже на этих «тепловых машинах, которые являются паровыми», был построен весь английский капитализм.

В первом томе «Капитала», в главе об относительной прибавочной стоимости, Маркс рассуждает о паровом двигателе, станках и о машине в целом. Он внимательно прочитал Бэббиджа, который был отличным техником, не обладавшим, однако, теорети-

¹ С помощью механических машин того времени создавались, например, роскошные театральные декорации. (*Прим. пер. – Н.Н.*)

² Жак-Бенинь Боссюэ (1627–1704) – французский теолог, проповедник и писатель XVII века. В трактате «Политика, основанная на словах Священного Писания» отстаивал абсолютизм средствами богословия, а также с опорой на Августина и Гоббса. (*Прим. пер. – Н.Н.*)

³ Ошибка Альтюссера; Марксу было шесть (род. 1818), когда в 1824 году вышли «Размышления о движущей силе огня и о машинах, способных развивать эту силу» – фундаментальный труд Карно, заложивший основы термодинамики. (*Прим. пер. – Н.Н.*)

ческим мышлением. Бэббидж писал: «Соединение всех этих простых инструментов, приводимых в движение одним общим двигателем, составляет машину» (1832)¹. Маркс настаивал на том, что это не паровой двигатель, а станок произвел революцию в производстве: ведь это – машина, которая приводит в движение целый ряд других инструментов, в то время как человеческая рука может приводить в движение только один из них, причем медленно. Маркс много размышляет о связи этих трех элементов: *«машина-двигатель (moteur) – передаточный механизм – рабочая машина»*, он говорит: *«Машина-двигатель действует как движущая сила всего механизма. Она или сама порождает свою двигательную силу, как паровая машина, калорическая машина, электромагнитная машина и т. д., или же получает импульс извне, от какой-либо готовой силы природы <...> Передаточный механизм <...> регулирует движение, изменяет, если это необходимо, его форму, например превращает из перпендикулярного в круговое, распределяет его и переносит на рабочие машины...»*².

Поскольку после этого речь идет только о передаче и преобразовании движения, все зависит от мотора этой новой «машины» – паровой или калорической. В словаре твердо сказано: *«Машина – изготовленный объект, обычно сложный, предназначенный для преобразования энергии и использования этого преобразования (принципиально отличается от аппарата и инструмента, которые лишь используют энергию)»*.

Если это действительно значимое различие, то понятие «машина» существенно дополнило бы понятие «аппарат»: к идее простого использования имеющейся энергии оно добавляет идею *преобразования энергии* (одного вида в другой; например, из тепловой в кинетическую энергию). В случае аппарата речь может идти только об одном виде энергии, *в случае машины мы имеем дело, по крайней мере, с двумя ее видами, и прежде всего, с трансформацией одного в другой*.

Если государство не просто «дубинка», и если (не то, чтобы ложного, а просто слишком общего) термина «инструмент», в качестве определения тоже недостаточно, я не понимаю, почему на протяжении целого столетия Маркс и Ленин так настойчиво употребляли в отношении государства не только понятие «аппарат», но и «машина», оставив сами понятия без объяснения. Ведь настойчивое употребление этих терминов не позволяет вычленивать тот главный смысл, который они в них вкладывали. Если мы так сосредоточены на употреблении одного или двух слов, которые в общем-то обозначают почти одно и то же, можно сделать вывод, что одно обогащает другое, существенно дополняя его смысл, поэтому, если мы так цепляемся за него, но не говорим почему, значит оно содержит некий очень важный и пока темный оттенок смысла.

Мне на ум приходит ещё один сопоставимый случай жёсткой, и в то же время несколько слепой терминологической настойчивости в трудах Маркса и Ленина – это слово «диктатура» в выражении «диктатура пролетариата». Тем не менее, в данном случае в их трудах проще найти объяснение выбору этого слова, хотя часто оно не выражено эксплицитно, и нужно хорошо подумать над текстом, чтобы выявить его значение.

Глава 15. О разрушении государства

Таким образом, государство имеет отдельное и особое «тело» (*corps séparé et spécial*). Именно в нем и посредством него осуществляется преобразование «энергии-силы» (*énergie-force*) в «энергию-власть» (*énergie-pouvoir*). Когда Ленин говорил о разрушении государства, главным образом, он имел в виду *тело государства*, которое нераз-

¹ Чарльз Бэббидж (1792–1871) математик и механик, автор труда «Экономика машин и производств». Фраза цитируется Марксом в Маркс К. 1952. Капитал. Т.1. СПб: Политиздат. С. 382.

² Перевод цитаты приведен по: Маркс К. 1952. Капитал. Т. 1. СПб: Политиздат. С. 379.

рывно связано с консервативной или реакционной идеологией. Когда Ленин говорит, что буржуазное государство должно быть *уничтожено*, и использует в этом случае слово столь же мощное, как и сама его идея (но, возможно, слишком сильное, чтобы не испугать своих современников и читателей), Ленин имеет в виду, прежде всего, тело государства, показывая, что он знает (и Маркс уже показал это на примере Парижской Коммуны, к сожалению, без глубокого изучения социальных и политических причин ее успехов и неудач), какую важную роль в понимании того, как функционирует государство, играет тело государства.

Многочисленные ленинские страницы о разрушении государства – это, пожалуй, самое передовое из того, что марксизм завещал нам в вопросе о государстве. Они раскрывают *органическое единство, существующее между «металлом» его тела и его функция-ми*. Здесь государство вновь предстает как весьма *«особый» «аппарат»*, ведь его тело настолько хорошо приспособлено к собственным функциям, что они кажутся его естественным продолжением. Здесь Ленин сосредоточен, главным образом, на двух вещах: (1) господство высшей военной, полицейской и политической администрации над государством; абсолютное господство разветвленной касты над массой сотрудников различных органов или служб; господство, гарантированное лично верхушкой правящего класса, и (2) разделение государственного труда между различными органами или государственными службами.

Ленин не находил привлекательной идею, что необходимо *уничтожить «государство полностью»*, эта фраза не имела бы смысла, если только речь не идет об упразднении государственных должностей и существующих госслужб. Однако он считал необходимым *уничтожить формы господства и подчинения* во всех государственных аппаратах, а также *формы разделения труда внутри этих аппаратов*. Его глубокое убеждение заключалось в том, что разделение государства было не только произведено, но и воспроизведено¹ иерархической системой, существующей между верхушкой и низшими чинами государственной службы, и разделением труда между государственными «органами» (orgs) или учреждениями. Очевидно, что «корпоративный дух», играющий идеологическую роль в государстве, обеспечивает, прежде всего, разделение государственного труда. К этому разделению можно было бы идти в течение долгого времени, но все закончилось весьма быстро и успешно, что позволило классовому государству иметь в своем распоряжении предельно эффективный инструмент. Государство знает, что нужно «разделять», чтобы «властвовать», и применяет эту знаменитую максиму к самому себе. Чтобы верхушка государства могла править своими подчиненными, последние должны быть разделены, поэтому «органы» или «службы» должны быть разделены в соответствии с различием их функций.

Все это выглядит *естественно*. Но что, как не господство одного класса над другим, и не характер этого господствующего класса, определяет, какими будут эти функции? Большая суматоха вокруг определения функций, для которых Парижская Коммуна дала плохой пример, (выдвинув идею, что такое предопределение вообще возможно), а также опыт Советов в 1905 – все это ясно показало, что данные функции не являются «естественными», не происходят из себя, так же как их разделение и аппараты, призванные обеспечивать эти функции. Ленин ожидал, что реорганизация разделения труда между государственными аппаратами прекратит разделение государства и станет, как минимум, шагом к преодолению этого разделения и отмирания государства, разрушение буржуазных форм которого является стартовой точкой этого процесса.

---

¹ Воспроизведение форм, кадров, практик и идеологии государственного аппарата является ключевым вопросом. Это тесно связано с темой «обособленности» государства.

Стремясь положить конец «обособлению» государства – инструменту номер один в любом государстве, где один класс господствует над другими, Ленин пытался действовать двумя способами: снизу, *с помощью советов* он хотел отменить разделение государства (и) рабочего класса – отсюда идея государства советов. И одновременно сверху – выбрав мишенью тело государства, он стремился уничтожить в нем формы разделения труда между различными «должностями», которые были установлены царской политикой.

Ни в одном тексте Ленин не говорит об этом вопросе систематически и теоретически, но он не прекращает говорить о нем практически. Мысль о том, что сила и власть государства образуют единое целое, то, что тело государства больше не «особое», а состоит из того же человеческого материала, что и рабочие, и крестьяне, он стремился воплотить в лозунге: «*Вся власть Советам!*» и в формулировке «Государство Советов». Но для того, чтобы устройство государства больше не основывалось на разделении труда в соответствии с разделением функций – что выгодно для правящего класса – Ленин стал бороться с самим этим устройством, желая *уничтожить (да, уничтожить)* существующее в государстве разделение труда. Например, ему хотелось положить конец разделению власти, разделению между образованием и трудом, культурой и политикой, между трудом физическим и умственным и так далее. Я использую его собственные выражения, которые иногда кажутся спорными, но его замысел считается однозначно, он очевиден.

Его идея в том, что если оставить тело государства нетронутым, не изменить его металл, то конечно можно навязывать иную политику и другой штат, но сама система самовоспроизводства государства (через самих служащих и критерии, используемые для измерения «компетентности» командовать или подчиняться) вместе с эффектом разделения власти, аппаратов и служб *в конечном счете растворяет эту политику в государственном теле*. Оно произведет много законов, но не декретов, декретов, но не циркуляров и т. д., короче, бойкотирует и саботирует официальную политику революции. Ленин быстро понял это на собственном болезненном опыте. Недостаточно поставить рабочих на посты, которые ранее занимали буржуа, недостаточно раздать революционные приказы, чтобы обеспечить их выполнение. Тело государства, поскольку оно не ставит под сомнение правильность собственной организации, своих функций и их мнимого «естественного» разделения, в конечном итоге поглощает все приказы, превращая их в тонны бумажной работы, в которой тонут и революционеры, и сама революция. «Наше государство имеет серьезный недостаток. Это государство Советов, однако оно страдает от серьезной болезни, имя которой – бюрократия» (1919)¹. К концу своей жизни Ленин просто впал в отчаяние: ему пришлось принять решение создать «надежный орган», твердый в своих действиях – рабоче-крестьянскую контрольную комиссию с целью контроля за бюрократическим аппаратом государства². Как показал опыт, это был не шаг вперед, а провал. Те, кто пытаются понять причины возникновения сталинизма, не ошибаются, когда обращают внимание на ужасную авантюру отношений государства и революции. Они также не ошибаются, считая, что, хотя мы можем извлечь некоторые гипотезы из трудов Ленина, сам он так и не преуспел в том, чтобы их четко сгруппировать и сформулировать. Возможно, помимо нехватки времени, причиной этого было отсутствие достаточно ясного представления о государстве³.

¹ Вероятно, здесь Альтюссер приводит цитату по памяти. Ленин в своих работах часто говорит о Советах как о «рабочем государстве с бюрократическим извращением». (Прим. пер. – Н.Н.)

² Речь идет о статье Ленина «Как организовать Рабкрин», где он предлагает объединить РКИ и ЦКК для борьбы с нарастающей бюрократией. (Прим. пер. – Н.Н.)

³ В этом месте рукопись содержит следующий зачеркнутый фрагмент: «Ибо по всем этим вопросам даже после опыта Коммуны, которая предложила определенные меры, хотя их точное значение и условия их применения никогда четко не были поняты, марксистские теоретики и ли-

Когда мы застреваем на «абсолютных границах» (*limite absolue*) определенных формул, вполне корректных, но изложенных в столь загадочной и при этом категоричной форме, что это пугает и делает невозможными любые исследования за пределами теоретического пространства, ими расчерченного, то не удивительно, что самые драматические и яркие переживания так и остаются в пассивном состоянии опыта. Им не хватает той необходимой свободы, благодаря которой они могли бы стать экспериментами, из которых исторические деятели могут узнать, что на самом деле нового содержат их труды. Если мы не признаем существования таких явлений, сочетающих проявление ума и одновременно определенной слепоты по отношению к изучаемому, свидетельство которых – неясное изложение мыслей, содержащих однако «долю истины», то мы не сможем определить те «границы», внутри которых оказались заперты не только «марксистская теория государства» – или, вернее, теоретические «элементы», содержащиеся в ней, – но и исторические лица, которые, как и Ленин, были вынуждены что-то изобретать и изыскивать, чтобы выстоять перед лицом ужасных обстоятельств, вопреки и, вместе с тем, вследствие их. «За пределами этих границ билеты больше не действительны». Память об этой формуле из эмалевых букв долгое время оставалась со мной, еще сильнее поразив меня в 1945 году, когда я ехал в парижском метро. На ограде тюремного лагеря, откуда я возвращался, ее не было: вместо нее была колючая проволока. Я часто думал об этом в последующие годы, когда порой чтение Маркса и Ленина приводило меня в тупик. Они дают тебе «билеты», причем весьма ценные, но «за пределами» определенных «границ», контуры которых еле прорисовываются в их трудах и борьбе, «билеты» были «больше не действительны». Так было в течение многих лет. Возможно, все изменилось, и старых эмалевых букв уже нет в марксизме, так же как и в парижском метро.

Статья и перевод выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00100)

Список литературы

1. Альтюссер Л., Софронов В. 2004. Ленин и Философия. М., Ad Marginem: 176 с.
2. Альтюссер Л. 2016. Письмо Мерабу Мамардашвили (16 янв. 78 г.). URL: <https://mamardashvili.com/files/pdf/social/13%20Письмо%20Мерабу%20Мамардашвили.pdf> (дата обращения: 1 октября 2019)
3. Ленин В.И. 1970. О государстве. Лекция в свердловском университете 11 июля 1919 г. В кн.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 39. М., Политиздат: 64–84.
4. Маркс К. 1952. Капитал. Т.1. СПб: Политиздат. 794 с.
5. Матвеев И. А. 2012. Альтюссер: политика теории. Неприкосновенный запас, 5: 55–72.
6. Althusser L., Matheron F. 1994. *Écrits philosophiques et politiques*. Vol. 1. Stock/IMEC. 588 p.
7. Althusser L. 1977. On the twenty-second Congress of the French Communist Party/ *New Left Review*, 104: 3–22.
8. Althusser L. 1978. What must change in the party. *New Left Review*, 109: 19–46.
9. Décalages. An Althusser Studies Journal. About Journal. 2012. Décalages. URL: <https://scholar.oxy.edu/decalages/about.html> (дата обращения: 1 октября 2019).

References

1. Al'tjusser L., Sofronov V. 2004. Lenin i Filosofija [Lenin and philosophy]. M., Ad Marginem: 176 p.

деры добились очень небольшого прогресса. Никто не заходит слишком далеко, говоря, что государство – это дубинка, или смешивая политическую диктатуру Верховного Совета с гегемонией рабочего класса». (Прим. пер. – Н.Н.)

2. Al'tjusser L. 2016. Pis'mo Merabu Mamardashvili (16 janv. 78 g.) [Letter to Merab Mamardashvili (Jan. 16, 1978)] URL: https://mamardashvili.com/files/pdf/social_13%20Письмо%20Мерабу%20Мамардашвили.pdf (дата обращения: 1 октября 2019)
3. Lenin V.I. 1970. O gosudarstve. Lekcija v sverdlovskom universitete 11 ijulja 1919 g. [The State: A Lecture Delivered at the Sverdlov University July 11, 1919]/ In: Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij. T. 39. [Complete works. Vol. 39.]. M., Politizdat: 64–84.
4. Marks K. 1952. Kapital [Capital]. Vol.1. SPb., Politizdat: 794 p.
5. Matveev I. A. 2012. Al'tjusser: politika teorii [Althusser: politics of theory]. Neprikosnovennyj zapas, 5: 55–72.
6. Althusser L., Matheron F. 1994. Écrits philosophiques et politiques. T.1. Stock/IMEC. 588 p.
7. Althusser L. 1977. On the twenty-second Congress of the French Communist Party. New Left Review, 104: 3–22.
8. Althusser L. 1978. What must change in the party. New Left Review, 109: 19–46.
9. Décalages. An Althusser Studies Journal. About Journal. 2012. Décalages Available at: <https://scholar.oxy.edu/decalages/about.html> (accessed: 1 October 2019).

**Ссылка для цитирования статьи
For citation**

Тинус Н.Н. 2019. Луи Альтюссер, границы Маркса и государство как особая машина. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 44 (4): 692–703. DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-692-703

Tinus N.N. 2019. Louis Althusser, the Marx limits and the state as a special machine. Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series. 44 (4): 692–703 (in Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2019-44-4-692-703